

При первой встрече с Осаму Дадзаем А-Эр напевал какую-то смутную, лишенную внятного мотива мелодию. Босой, он беззаботно перепрыгивал с крыши на крышу, кружился и словно парил над бездной.

Снег валил хлопьями, мягко, беззвучно, укутывая сонный мир полупрозрачной белой фатой. Пушистые хлопья оседали на длинных серых волосах А-Эра; пряди взлетали в такт его движениям, напоминая взмахи крыльев серого голубя. И именно тогда он заметил человека. Осаму Дадзай стоял на самом краю крыши высотного здания, собираясь сделать шаг в пустоту.

В те дни Дадзай еще считался ребенком, однако все его хрупкое тело уже покрывали шрамы и плотные слои бинтов. Одетый в тонкую, совсем не греющую одежду, он дрожал под падающим снегом. Снежинки таяли на его худых плечах, забиваясь под воротник, туда, где на шее виднелись багровые следы от веревки. Он поднял взгляд на А-Эра. Его карие, цвета темного янтаря глаза казались бездонными провалами, подобными космическим черным дырам, — мрачными, холодными, но обладающими непреодолимой силой притяжения.

А-Эр приземлился прямо перед ним и с живым любопытством спросил:

— Ты собрался умереть?

Дадзай вгляделся в золотисто-янтарные, точно струящийся мед, глаза А-Эра, а затем поднял взор к небу, где за ними неотрывно наблюдало колоссальное око. Мальчик потрясенно замер. На миг его взгляд, обычно тусклый и безжизненный, прояснился, явив чистую детскую растерянность. Но искра жизни мгновенно угасла под нахлынувшей пеленой еще более глубокой безысходности.

— Вот оно как... — прошептал Дадзай. — Значит, ты и есть тот самый... в небесах.

— Ой, надо же, ты меня раскусил! — А-Эр подался вперед, заглядывая мальчику в лицо. Между ними оставалось от силы расстояние в ладонь. — Из всех, кого я встречал, ты первый, кто понял все с одного взгляда. Потрясающе!

Но тут же, сообразив, что его ловко отвлекли от темы, он притворно надулся:

— И вообще, ты так и не ответил на мой вопрос!

Дадзай устало прикрыл глаза, в его голосе сквозило глухое раздражение:

— Какое до этого дело великому божеству?

Дадзай тоже слышал легенду, что шепотом передавали друг другу дети: историю о всемогущем боге, способном принимать тысячи обликов и уносить спящих малышей играть под ночными звездами. Он намеренно перенял капризный тон А-Эра, надеясь уколоть его, прогнать прочь, заставить оставить себя в покое.

Но он недооценил любопытство своего незваного гостя. Божество, чье детское простодушие мешалось с нечеловеческой жестокостью, безумием и жутким хладнокровием, лишь ослепительно улыбнулось в ответ:

— Но ведь умирать в одиночку так тоскливо, разве нет?

Эта невольная, граничащая с садизмом нежность заставила Дадзая растерянно замереть.

А-Эр без малейших сомнений записал маленького Дадзая в свои новые товарищи по играм.

— Хочешь, я умру вместе с тобой? — весело предложил он. — Ну, то есть сам-то я умереть не смогу, но прыгнуть за компанию — это запросто. Каким ты хочешь меня видеть?

Стоило словам сорваться с его губ, как очертания тела А-Эра поплыли. В мгновение ока он превратился в ослепительную, манящую женщину, затем — в крупного пса с густой шерстью, следом — в тихо мяукающего угольно-черного кота, и наконец обернулся хрупкой бабочкой, порхающей в морозном воздухе.

Голос божества эхом зазвучал прямо в мыслях мальчика:

— Выбирай то, что тебе по вкусу.

Дадзай смотрел на это буйство чужих обличий. В глубине его тусклых глаз металась неясная тень. Вдруг губы его болезненно изогнулись в улыбке.

— Тогда покажи мне свое истинное лицо. Свою суть.

Золотистая бабочка послушно опустилась на перебинтованную ладонь Дадзая. В ту же секунду ее прозрачные крылья надорвались, осыпаясь сверкающей пылью; плоть растворилась, обратившись в эфемерный газ, который стал медленно разрастаться, пока не вспыхнул ярким, чистым пламенем.

Посреди бесконечного унылого безмолвия кружащего снега этот огонь казался самым ослепительным, самым живым пятном.

Настоящий огонь должен был причинить невыносимую боль, обжечь до костей. Но пламя, бушевавшее в руках Дадзая, походило на клочок утреннего тумана: невесомое, бесплотное, лишенное малейшего тепла.

— И это... твоя правда?

— Не знаю, — голос А-Эра смешался со свистом ветра и тихим шорохом падающего снега, растаяв без следа. — Сейчас я нецелый. А каким ты видишь меня?

Пляшущие отсветы отражались в глазах мальчика. Баюкая в ладонях призрачный огонь, он тихо произнес:

— В природе не бывает холодного пламени. — Дадзай снова поднял голову, всматриваясь в затянутый тучами небосвод, где горело золотое око. — Твое существование нелепо и пугающе. Глядя на тебя, невольно задумываешься: реален ли вообще наш мир? Или мы заперты на страницах чьей-то неоконченной повести? Жалкие чернильные строчки на клочке бумаги...

Немного помолчав, он спросил:

— Смерть — это конец? Ответь мне, о всезнающий бог.

— Конечно нет, — фыркнул А-Эр. — Зачем спрашивать о том, что ты и сам прекрасно видишь?

Ведь именно из-за того, что Дадзай краешком глаза заглянул за изнанку бытия и узрел истину, он и погрузился в эту пучину безысходности. Нынешний А-Эр — неполный, лишенный важной части себя — не мог взять в толк, почему этот мальчишка, зная правильный ответ, с таким упрямством пытается выпытать его у кого-то другого.

В людском мире издавна ходили легенды о бессмертии души. Говорили, что после гибели брэнной плоти разум возвращается в холодное лоно вселенной, смиренно ожидая рождения нового земного сосуда. Однако души тех, чьи прегрешения были слишком тяжки, чьи грехи невозможно искупить, ждала иная участь. Их навечно сбрасывали в самые темные глубины бездны Абис — туда, где нет ни перерождения, ни спасительного забвения смерти.

Кое-кто рассказывал, будто видел во сне, как бесконечно падает сквозь вечный мрак, окруженный мириадами блеклых, полупрозрачных призраков, лишенных покоя.

Впрочем, из бесед с Системой А-Эр знал, что никакого ада и тем более Бездны не существует. Просто некоторые обремененные пороками души становятся слишком тяжелыми. Они не могут вовремя вселиться в новые тела и остаются неприкаянно блуждать в космической пустоте. С чего бы обычному игровому помощнику рассуждать на подобные темы? Было ли это частью лора игры? Да кто его знает. А-Эру было плевать.

Единственное, что имело для него значение — это сиюминутное веселье.

Вспомнив о Системе, А-Эр поймал себя на мысли, что опять умудрился позабыть о ее присутствии. Он скользнул взглядом в сторону. Там, в глубокой тени, притаилось белое пушистое существо, удивительно похожее на мягкую игрушку. Почти сливаясь с наметенными сугробами, оно безмолвно наблюдало за развернувшейся сценой, застыв в вечной, застывшей улыбке.

Метель разыгралась не на шутку. Снежные хлопья невесомым, но невыносимо холодным бременем ложились на плечи Дадзая. Из его груди вырвался сухой, безжизненный смешок — звук, похожий на скрип старых кузнечных мехов, делающих свой последний, предсмертный

ВЫДОХ.

— Если даже смерть не дарует покой... если душа действительно вечна, то ради чего вообще приходить в этот мир? В чем смысл нашего существования?

— Зачем спрашивать меня о таких глупостях? Мой ответ прост: мы живем ради удовольствий. Но если бы ты спросил тех двоих, они наверняка завели бы совсем другую песню.

— Тех двоих?

— Угу. Две другие мои ипостаси, две грани моей души, без которых я не я. Возможно, когда-нибудь ты с ними встретишься. Тот, что носит вуаль, с черными волосами и серебристо-белыми глазами — зануда редкая, от его нравоучений с души воротит. А вот беловолосый малый очень даже милый.

— Неужели у богов тоже бывают подобные... привязанности? — тон Дадзая казался колючим и недоверчивым, однако А-Эр чувствовал, что мальчик спрашивает искренне, силясь разгадать эту непостижимую загадку.

— Конечно! Стоит мне только вспомнить о них, как у меня слюнки текут.

— Твоя любовь выражается через голод? — Дадзай опешил от такого признания. Воцарилось недолгое молчание, нарушаемое лишь завыванием выюги. Наконец он спросил: — А что будет... если ты меня съешь?

Сначала А-Эр хотел отшутиться, что едоку негоже задумываться о чувствах своего обеда. Но вдруг перед его внутренним взором промелькнула жуткая картина: чья-то неприкаянная душа бьется в тисках бесконечного, удушающего мрака. Он не помнил, видел ли подобное наяву, не понимал, откуда взялось это видение, но интуитивно осознал верный ответ.

— Пожалуй... твоя искра окажется заперта внутри высшего существа. Ты будешь вечно метаться в темноте, лишенный возможности переродиться или исчезнуть навсегда. Бесконечная пытка.

— Настоящая преисподняя...

— Не мне, конечно, судить, но разве этот мир сам по себе не сущий ад? Хотя лично для меня он — просто огромный парк развлечений.

— Ха-ха... Твоя правда. И все же... ответь: ты хочешь сожрать меня?

Призрачный огонь в руках мальчика слабо колыхнулся.

— Не-а, — А-Эр мотнул головой. — Твоя душа хоть и огранена безупречно, но на вкус, должно быть, жуткая гадость. Знаешь, это как сделать глоток студеной воды в жару, надеясь утолить жажду, а вместо этого почувствовать едкую горечь. Она медленно растекается по языку, пока не заполнит все существо. Терпеть не могу такую горечь.

— Так ты уже успел ее попробовать?

— Глупости. У меня нет привычки воровать чужие души. Я просто чую этот запах.

— Ты ведешь себя как капризный ребенок, — тихо выдохнул Дадзай.

В этот миг его окончательно оставили силы спорить. Безумный, капризный бог вел себя столь непосредственно, что неудивительно, почему он предпочитал проводить время среди смертных детей.

Пламя трепетало на ветру, упрямо борясь со снегопадом, словно бьющееся в груди живое сердце.

— Ты несешь какую-то околесицу, но с тобой весело, — рассмеялся А-Эр. — Эх, если бы твоя душа стала чуточку слаще, это было бы изысканное лакомство!

— Кстати!

Пламя в ладонях мальчика внезапно взвилось ввысь, разрастаясь и окутывая его фигуру золотистым коконом. Огненные языки скользнули по предплечьям, словно невесомый призрак сжал ладони Дадзая в дружеском рукопожатии.

— Давай станем счастливыми вместе!

Буран ревел все яростнее, поглощая любые звуки, кроме глухого свиста ветра, созвучного чьему-то предсмертному хрипу. Белое покрывало укутывало землю, стремясь придать этому миру мнимую невинность. Но даже самая девственная белизна не способна была смыть вьевшееся в людские сердца одиночество. И ей точно было не под силу потушить это призрачное, яростное пламя.

Дадзай кружился в танце с огнем.

В этой искаженной, безумной реальности взбалмошный бог крепко держал за руку утопающего в собственном отчаянии ребенка, увлекая его в дикий пляс на краю бездны. Сквозь полупрозрачные языки пламени Дадзай смутно различал очертания заливающегося счастливым смехом сероволосого юноши, чье веселье казалось предвестником скорого конца света. Юноша хохотал так самозабвенно, будто огонь пожирал его собственную плоть, окрашивая бледные щеки лихорадочным, болезненным румянцем. В его золотых глазах искрились мириады далеких, холодных звезд.

Это существо, больше похожее на дикого зверя, чем на бога, не могло подарить ему долгожданный покой. Оно лишь беззаботно щебетало о каком-то призрачном совместном счастье. Жестокий, лишенный человеческого сердца бог.

«Счастье... Действительно ли оно придет? Зазвучит ли когда-нибудь величавым перезвоном древних колоколов, проникая в самую плоть и кровь?»

И все же прямо перед ним стояло живое воплощение вселенского абсурда и безысходности. Смерти нет, жизнь пуста, мучениям не видно конца — а люди продолжают иступленно распевать свои фальшивые гимны о радости и веселье.

В белой круговерти разыгравшейся бури невозможно было разобрать ничего вокруг. Видимым оставалось лишь призрачное пламя. Обнявшись, они сделали еще один неловкий шаг, продолжая свой безумный танец среди снегов.

Откуда-то издалека, пробиваясь сквозь вой метели, донеслись отголоски старой песни — тягучей, пронзительной мелодии, заставлявшей содрогаться саму душу. А огонь все горел, грозя поглотить без остатка весь этот холодный, чужой мир.

Ледяные иглы снега больно кололи щеки, глаза слезились от резких порывов ветра. Дадзаю на мгновение показалось, что он плачет, но его лицо оставалось сухим. На его губах застыла гримаса невыносимой, граничащей с безумием боли.

<http://bllate.org/book/18335/1760517>